

Ацтекская «империя» и общественный строй науа глазами российских историков, этнографов и археологов

© Калюта А.В., 2023

Анастасия Валерьевна Калюта, канд. ист. наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская улица, д. 7

ORCID: 0000-0002-4829-5149 E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Аннотация. Научные подходы российских ученых к изучению общественно-политического строя и государственности науа претерпели значительную эволюцию, начиная с анализа первых сведений, проникших в Россию в середине XVIII в., до теоретических положений начала XXI в. Общественный строй науа, крупнейшей этнической общности Мезоамерики накануне прихода испанских конкистадоров во главе с Эрнаном Кортесом, и характер созданных ими государственных образований, в первую очередь так называемой «ацтекской империи», союза Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана — трех городов-государств долины Мехико — были и остаются предметом дискуссий российских историков, специализирующихся на исследовании доколумбовых цивилизаций Америки с начала XVIII в. Именно в этот период отрывочные и противоречивые сведения о доиспанском прошлом Мексики и Центральной

Америки стали распространяться в отечественной исторической науке. На протяжении трех прошедших веков «ацтекскую империю» рассматривали то как феодальную монархию, аналогичную Священной Римской империи, то как деспотию, сходную с державами Древнего Востока, то как конфедерацию первобытных племен, не достигших уровня государства. Автор поставил задачу выявления тех факторов, которые в каждом конкретном случае влияли на позицию исследователя. Эти факторы включали в себя общий уровень знания исследователем иностранных языков, в первую очередь классического науатля (ацтекского языка XVI–XVII вв.) и испанского, на которых написаны почти все необходимые первоисточники, теоретические взгляды исследователя на процесс социальной эволюции и формирование государственности, а также качество материалов, используемых в качестве источников. Рассмотренные в статье отечественные публикации середины XVIII – начала XXI в., посвященные общественному строю науа накануне испанского завоевания, свидетельствуют об отсутствии у большинства российских авторов достаточного знания языков первоисточников, а использование неточных публикаций на французском, английском и немецком языках приводило к многочисленным фактическими ошибкам. По мнению автора, негативное влияние на изучение общества науа оказал догматический подход в рамках марксистской идеологии, применявшийся в советский период, что породило ложные выводы об уровне общественного развития науа к моменту испанского завоевания.

Ключевые слова: Общественный строй науа, ацтекская «империя», мезоамериканские исследования в России, политогенез в доколумбовой Америке

Для цитирования: Калюта А.В. (2023) Ацтекская «империя» и общественный строй науа глазами российских историков, этнографов и археологов. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 62–87. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2023. 4. P. 62–87
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

UDC 94:327+930

Recibido 17.10.2023.
Revisado 15.11.2023.
Aceptado 03.12.2023.

«El imperio azteca» y organización socio-política de los nahuas prehispánicos en las obras de historiadores, etnólogos y antropólogos rusos

© Kalyuta A.V., 2023

Anastasia V. Kalyuta, PhD (Historia), Investigadora del Instituto de Historia de Academia de Ciencias de Rusia de San Petersburgo.

197110, Rusia, San Petersburgo, calle Petrozavodskaya, 7

ORCID: 0000-0002-4829-5149 E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Resumen. El artículo se enfoca en los planteamientos de investigadores rusos hacia los estados nahuas del Altiplano Central en perspectiva cronológica desde los mediados del siglo XVIII hasta los principios del siglo XXI. A partir del siglo XVIII, cuando la información fragmentaria y contradictoria sobre el pasado prehispánico de México comenzó a circular en Rusia, la organización social de los nahuas, quienes constituían la etnia más grande de Mesoamérica en vísperas de la Conquista, así como la estructura del «imperio azteca», es decir, la Triple Alianza, confederación de tres ciudades-estados de la Cuenca de México (Tenochtitlan, Texcoco y Tlacopan) han sido objeto de debates de los historiadores rusos que se especializan en estudios de civilizaciones prehispánicas de Américas. A lo largo de tres siglos el Imperio azteca se retrató bien como una monarquía feudal análogo del Sacro Imperio Romano Germánico, bien como un estado despótico semejante a los reinos antiguos del Oriente, bien como una confederación de tribus primitivas que no alcanzaron el nivel de poder formar un estado. El objetivo principal de la autora es detectar los factores que en cada caso influyeron sobre la visión del investigador. Estos factores incluyen el nivel de dominio de náhuatl clásico de los siglos XVI–XVII y de castellano, ya que la mayoría de fuentes de suma importancia para estudios de la estructura social de la sociedad náhuatl prehispánica existía en estos dos idiomas, conocimientos teóricos sobre los procesos de la evolución social y la formación del estado, así como la calidad de fuentes utilizadas. Las publicaciones de los investigadores rusos desde los mediados del siglo XVIII

han demostrado la ausencia de conocimientos lingüísticos necesarios para leer e interpretar adecuadamente las fuentes primarias. El uso abusivo de traducciones abreviadas e incorrectas en francés, inglés y alemán también causó numerosos errores. Además, según la autora, la ideología marxista influyó negativamente en los estudios de la sociedad náhuatl prehispánica en el período soviético y dio origen a ciertas conclusiones falsas sobre el nivel de desarrollo de la sociedad nahuatl prehispánica.

Palabras clave: organización social de los nahuas, «el imperio azteca», estudios mesoamericanos en Rusia, origen de estado en América prehispánica

Para citar: Kalyuta A.V. (2023) «El imperio azteca» y organización socio-política de los nahuas prehispánicos en las obras de historiadores, etnólogos y antropólogos rusos, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 62–87. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2023. 4. P. 62–87
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

UDC 94:327+930

Received 17.10.2023.
Revised 15.11.2023.
Accepted 03.12.2023.

The «Aztec Empire» and Nahua (Aztec) Socio-Political Organization Through the Eyes of Russian Historians, Ethnologists and Archeologists

© Kalyuta A.V., 2023

Anastasia V. Kalyuta, PhD (History), Research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
197110, Russia, Saint Petersburg, Petrozavodskaya street, 7
ORCID: 0000-0002-4829-5149 E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Abstract. The article examines scientific approaches of Russian scholars to studies of Aztec state in the middle 18th – early 21st centuries. Since the 18th century when fragmentary and contradictory information about Prehispanic past of Mexico and Central America started to circulate in Russian historical science, social organization of Nahuas, i.e. the largest ethnic group of Mesoamerica on the eve of the Spanish conquest, and the character of their political entities, particularly the Aztec «empire» union of three city-states in the Basin of Mexico (Tenochtitlan, Tetzcoaco and Tlacopan) have been subjects of debate among Russian historians that specialize in studies of Pre-Columbian civilizations of the Americas. Over the last three centuries the «Aztec empire» was portrayed either as a feudal monarchy analogous to the Holy Roman Empire, or as a despotic state similar to the kingdoms of the Middle East, or as a confederation of primitive tribes that failed to establish their own state. The main objective of the author was to elucidate

the factors that influenced scholar's vision in each specific case. These factors included general knowledge of foreign languages, particularly Classical Nahuatl and Spanish, for most of primary sources for the study of the Prehispanic Nahua social organization were written in these languages, scholars' theoretical approaches to social evolution and state-building, as well as the quality of materials used as sources of information. The works of Russian historians about Prehispanic Nahua social organization published in the middle 18th – early 21st centuries reveal that most authors lacked the necessary knowledge of primary sources' languages, with excessive use of imprecise publications in French, English and German also bringing about numerous mistakes. According to the author, the Marxist ideology dominant in the Soviet period had negative influence on studies of the Prehispanic Nahuatl society, which led to false conclusions about the level of social development of the Prehispanic Nahuas on the eve of the Spanish Conquest.

Keywords: Nahua social organization, the «Aztec empire», Mesoamerican studies in Russia, politogenesis in Pre-Colombian America

For citation: Kalyuta A.V. (2023) The «Aztec Empire» and Nahua (Aztec) Socio-Political Organization Through the Eyes of Russian Historians, Ethnologists and Archeologists, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 62–87. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Предыстория исследований «ацтекской империи» и общества науа в России

О существовании науа, в первую очередь ацтеков, в Московской Руси узнали удивительно рано и буквально по горячим следам. В 1523 г. появился русский перевод послания «О Молуккских островах» («De Moluccis Insulis», 1523) Максимилиана Трансильвана (Maximilianus Transylvanus, ок. 1490–1538), секретаря императора Священной Римской империи и короля Испании Карла V (Carlos I de España y V del Sacro Imperio Romano Germánico, 1516–1556, 1520–1558), в котором весьма кратко сообщалось и о завоевании Эрнандо Кортесом (Hernán Cortés, 1485–1547) «ацтекской империи», как называли объединение трех городов-государств долины Мехико: Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. Их населяли три этнические группы науа: ацтеки (мешика), аколукте и тепанека. В исторических источниках на языке науатль (ацтекском) это объединение также известно как Эшкан Тлатоуян — «власть в трех частях», что в сложившейся исторической традиции принято переводить как Тройственный союз. К 1519 г. гегемония в Тройственном союзе принадлежала ацтекам — жителям островного города Теночтитлан. В русском переводе сообщение М. Трансильвана выглядит следующим образом: «И сице соглашено бысть, яко испанским убо присно на запад плавати идее же землю бесконечну и пространнейшу и острова превелии и неудоб исчисляемы златом и бисеры иными имении богатящихся, а ныне паки напоследок величайшии град, Те-

ноктик нарицанием, по подобию Венеции в некоем озере создан, обретося. О сем граде велика и многа и истинна Петр Мученик списана оставил есть...» [Казакова, Катужкина, 1968: 241].

Петр Мученик, упомянутый в данном сообщении, — это дословный перевод имени Пьетро Мартире д'Ангьера (Pietro Martire d'Anghiera, 1457–1526), уроженца Ломбардии и первого хрониста (историографа) Америки при дворе «католических королей» Изабеллы Кастильской (Isabel I de Castilla, 1474–1504) и Фердинанда Арагонского (Fernando II de Aragón, 1479–1516) и их внука Карла I. В работе д'Ангьера «Декады о Новом Свете» («De Orbe Novo Decades», 1511–1530) подробно излагается история завоевания «ацтекской империи» Эрнандо Кортесом [Martir de Angleria, 1989: 270–277, 292–299, 302–349]. Однако интерес к владениям испанцев в Америке в России пробудился в России лишь при Петре I и диктовался прагматическими соображениями

Портрет Монтесумы II (Мотекусома Шокойоцина), частная коллекция. Последний «император» ацтеков (1502–1520)

Карта Тройственного союза (Теночтитлана, Тескоко, Тлакопана) в 1519 г.

поиска новых торговых партнеров и источников обогащения для России, сильно истощенной Северной войной. Петр и его наследники также заботились о просвещении народа. В 1728 г. вышел в свет первый научно-просветительский журнал «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям», издававшийся Академией наук и художеств, который рассказывал читателям о знаменательных событиях прошлого и дальних странах. В 1729 г. в журнале был опубликован пространный очерк «История мореплавания к западным странам», где излагалась история завоевания «ацтекской империи» и приводились некоторые подробности ее общественной организации и повседневной жизни. В очерке особо отмечалась многолюдность этой «империи» ко времени прихода испанских конкистадоров в 1519 г.: «Мексико¹ было в те времена зело велики город, в котором 60000 домов имелось, а в каждом доме жили 2, 4, и до 6 фамилий, из чего рассуждать можно, что сей город

¹ Имеется в виду столица «империи», островной город Теночтитлан. — Прим. авт.

неисчислимым числом жителей наполнен был... Таких великих городов во владении одного Монтезума² 100...» [История мореплавания..., 1729: 123].

«Примечания к ведомостям» рисовали картину могущественного и густонаселенного государства с многочисленными «великими городами», правда, при этом отмечалась его технологическая отсталость. Кортес так легко покорил его, потому что, как говорилось в очерке, местные жители «ни пороха, ни свинца не вида-ли» [История мореплавания..., 1729:

Воссозданный художником Х. Томом Холлом образ столицы ацтеков

121]. Тем не менее тема истории и общественного строя науа по-прежнему не была в числе приоритетов зарождающейся российской исторической науки, ориентировавшейся прежде всего на изучение собственного прошлого. Знание испанского языка среди российских ученых тогда было большой редкостью. Кроме того, отечественные исследователи не владели классическим науатлем, т.е. языком науа долины Мехико первой четверти XVI – середины XVII в., на котором написано большое количество важнейших первоисточников. Поэтому приходилось ориентироваться на их переводы на немецкий и французский языки, которые тогда были для ученых основными языками науки наряду с латынью. Так, в 1789 г. переводчик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге Василий Лебедев перевел на русский язык с немецкого работу испанского поэта, драматурга и официального хрониста Индий Антонио де Солиса-и-Риваденейры (Antonio de Solís y Rivadeneyra, 1610–1686) «История завоевания Мексики, населения и развития Северной Америки, известной под названием Новая Испания» («Historia de la conquista de México, población y progresos de la América Septentrional, conocida por el nombre de Nueva España», 1684) [Фанштейн, 2005: 90]. В переводе Лебедева произведение Солиса получило название «История о покорении Мексики». К сожалению, хроника Антонио де Солиса — это очень поздний, компилятивный и тенденциозный по своему характеру труд, впервые опубликованный в 1684 г. и, на наш взгляд, вполне заслуживающий негативной характеристики, которую дал ему в статье «Мексика» французский философ-просветитель Луи де Жокур в знаменитой Энциклопедии 1751–1772 гг.: «Я не советую никому судить о завоевании [Мексики] испанцами

² Правитель ацтеков в момент испанского завоевания Мотекусوما Шокойоцин. — Прим. авт.

на основе записок Антонио де Солиса»³. Тем не менее работа А. Солиса в конце XVIII в. была единственной хроникой о завоевании «ацтекской империи», переведенной на русский язык и доступной даже читателю, не владевшему иностранными языками. В хронике А. Солиса «ацтекская империя» была представлена как феодальная монархия. Мотекусома Шоквойоцин был изображен как деспот, наделенный неограниченной властью и безжалостно угнетавший своих подданных [Solís y Rivadeneyra, 1885: 122]. В глазах А. Солиса конкистадоры во главе с Эрнаном Кортесом были орудием Божественного Провидения, покаравшего тирана за его многочисленные грехи [Solís y Rivadeneyra, 1885: 122].

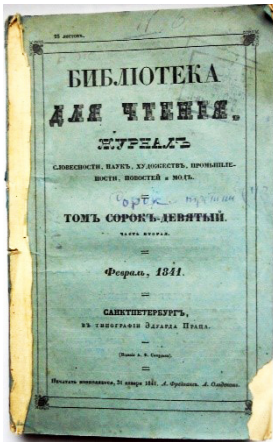
Испанские конкистадоры во главе с Эрнаном Кортесом, осаждающие Теночтитлан в 1521 г.

Неизвестный художник XVII в.

«Ацтекская империя» и общество науа в российской историографии первой половины XIX – начала XX в.

В первой половине XIX в. в России возрос интерес к Латинской Америке, в том числе и к Мексике, в силу охватившего большинство испанских колоний движения за независимость от метрополии и последовавшего за ним стремительного образования новых государств. Однако в том, что касается характера публикаций, посвященных истории «ацтекской империи», никаких принципиальных изменений не произошло. Все они носили не исследовательский, а научно-просветительский характер и по-прежнему были основаны на переводах иностранных сочинений, в том числе исторических хроник XVII–XVIII в., написанных в вице-королевстве Новая Испания, созданном завоевателями в 1535 г. на территории Мексики, причем по-прежнему не с языка оригинала, а с французского, немецкого и английского. В 1841 г. в журнале «Библиотека для чтения» был опубликован анонимный исторический очерк «Ихтлильхочитль». Он представлял собой вольный и сокращенный пересказ 13-го Сообщения хрониста, метиса XVII в.

³ Jaucourt L. de. Mexico. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. 10, Paris. André Le Breton. 1765. P. 482.

Библиотека для
чтения, 1841 г.

Эрнандо Альвы Иштлилшочитля (Fernando de Alva Ixtlilxóchitl, ок. 1568–1648) в редакции влиятельного мексиканского историка начала XIX в. Карлоса Марии Бустаманте с обличительным названием, данным ему редактором: «Чудовищные жестокости завоевателей Мексики и индейцев, которые помогали подчинить эту империю испанской короне» («Horribles crueldades de los conquistadores de México y los indios que los auxiliaron, para subyugarlo a la corona de Castilla, ó sea, Memoria escrita por D. Fernando de Ixtlilxochitl», 1829). К сожалению, опубликованный в «Библиотеке для чтения» текст был основан не на первоначальной испанской публикации Бустаманте, а на ее французском переводе [Ихтлильхочитль, 1841: 55]. Тем не менее это был первый подробный очерк о государствах науа и их завоевании испанцами, основанный на рабо-

те крупнейшего мексиканского хрониста колониального периода, который описывал события 1519–1521 гг. с позиции побежденных. При этом «ацтекская империя» по-прежнему рисовалась как феодальное государство во главе с наделенным почти абсолютной властью монархом.

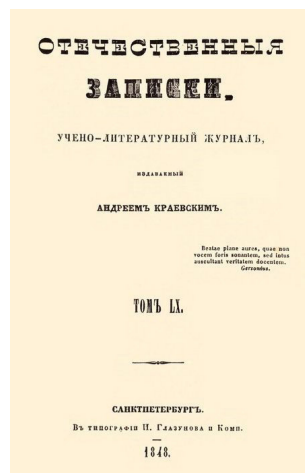
В 1846 г. в 9-м и 10-м номерах журнала «Москвитянин» в разделе «Науки» появилась статья «Древняя образованность мексиканцев», в которой достаточно подробно излагалась история возникновения и экспансии «ацтекской империи», а также описывались общественный строй, судебная система, религия и культура науа накануне испанского завоевания [Лихонин, 1846: 81–144]. В статье говорилось о создании Тройственного союза Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана и о его активной завоевательной политике [Лихонин, 1846: 88–91]. «Ацтекская империя» вновь описывалась как выборная монархия, подобная Священной Римской империи германской нации, и в общественном строе науа отмечались черты, сходные с феодальной системой средневековой Западной Европы [Лихонин, 1846: 92–95]. Они заключались в пожаловании земель представителям знати в обмен на обязанность нести военную службу и являться с «вооруженными вассалами» (так и сказано в тексте) на войну либо в награду за наблюдение за именными правителей и придворную службу [Лихонин, 1846: 95]. Также в статье утверждалось, что «правительства Анагуака⁴, по свойству своему деспотические, были перемешаны со многими ограничениями, вовсе неизвестными восточным» [Лихонин, 1846: 95]. Как и предыдущие примеры, этот очерк является не самостоятельным исследованием отечественного автора,

⁴ Древнее название Центральной Мексики. — Прим. авт.

а вольным переводом первой части фундаментальной работы американского историка Вильяма Хиклинга Прескотта «История завоевания Мексики с предварительным обзором ацтекской цивилизации и жизнью завоевателя Эрнандо Кортеса» [Prescott, 1843: 1]. Прескотт был первым историком, который стал ошибочно употреблять этноним «ацтеки» по отношению ко всем группам науа, и его книга, впервые вышедшая в свет в 1843 г., была почти сразу же переведена на несколько европейских языков. Очерк, опубликованный в «Москвитянине», был, по сути, выжимкой из вступительной части работы В.Х. Прескотта, переведенной не с языка оригинала (в данном случае английского), а с французского сотрудником журнала Михаилом Николаевичем Лихониным.

В 1848 г. в № 1–9 журнала «Отечественные записки» был опубликован первый русский перевод книги В.Х. Прескотта, более близкий к оригиналу, с указанием названия работы, впрочем, сильно искаженного, и имени автора [Прескотт, 1848]. В нем также выражался взгляд автора на ацтекскую «империю» как выборную монархию с элементами общественного строя, напоминающими средневековую феодальную Европу, прежде всего земельными пожалованиями за военную службу [Прескотт, 1848: 9–10]. Книга В.Х. Прескотта имела в России большой успех и в 1886 г. была опубликована на русском языке под названием «Завоевание Мексики Фердинандом Кортесом», хотя вновь со значительными сокращениями [Прескотт, 1886].

Специальных самостоятельных отечественных работ, посвященных общественно-политическому строю науа, в отечественной историографии по-прежнему не появлялось. Возможно, в XX в. российские историки продолжали бы считать Тройственный союз выборной монархией с элементами феодализма. Однако в 1877 г. американский юрист и фактический основатель социальной антропологии Льюис Генри Морган опубликовал работу «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации», в которой изложил свой взгляд на социальную эволюцию человечества, прошедшего через стадии дикости, варварства и цивилизации. В каждой из этих стадий Л.Г. Морган выделил три основных фазы: 1) низшая; 2) средняя; 3) высшая. Надо сказать, что Л.Г. Морган не знал испанского языка и классического науатля, поэтому все источники, касающиеся общественно-политического строя науа, для него переводил на английский язык его ученик и последователь американский антрополог и археолог швейцарского происхождения Адольф Бандельер. К тому же Морган использовал крайне узкий круг источников, большая часть которых относилась уже к XVII–XVIII вв., и интерпретировал их весь-

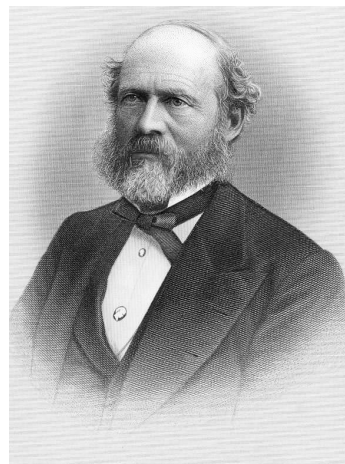

*Отечественные записки,
1848 г.*

ма тенденциозно. В полемическом запале он не оставил от государственности науа камня на камне. Одним из его аргументов был низкий уровень технологического развития общества науа накануне испанского завоевания. Приведем несколько цитат из «Древнего общества...» в русском издании 1934 г.: «Ацтеки и конфедерированные с ними племена не знали железа и, следовательно, не имели железных орудий; у них не было денег, и они вели меновой торг товарами; но они обрабатывали самородные металлы, занимались земледелием при помощи орошения, изготовляли грубые хлопчатобумажные ткани, строили общинные дома из необожженного кирпича и камня и выделывали глиняные изделия превосходного качества. Они достигли таким образом средней ступени варварства. Их земли были еще в коллективном владении, они жили большими домохозяйствами, состоявшими из нескольких родственных семейств; имеются положительные основания считать, что в этих домохозяйствах господствовал коммунизм» [Морган, 1934: 109–110].

Далее Морган поясняет: «Вместе с оседлыми индейцами других частей Мексики и Центральной Америки, а равно и Перу, ацтеки представляют наилучшую иллюстрацию данного состояния древнего общества. <...> «Королевство Мексико», как его называют ранние исторические описания, и «империя Мексико» позднейших описаний представляет собой продукт воображения. В свое время, за отсутствием правильных сведений об учреждениях ацтеков, еще было некое кажущееся основание для того, чтоб представлять их общественный строй в виде монархии, но поддерживать дальше это заблуждение не приходится. То, что нашли испанцы, было простой конфедерацией трех индейских племен, аналогии которой существовали во всех частях континента, и в своих описаниях у них не было никакого основания перейти хотя бы на шаг за пределы этого единственного факта. Управление находилось в руках совета вождей совместно с высшим начальником военных отрядов. Это было правление двух властей; гражданскую представлял совет, военную — высший военный вождь. Поскольку учреждения конфедерированных племен были в основе демократическими, этот общественный строй, если необходимо более специальное определение, чем конфедерация, можно назвать военной демократией» [Морган, 1934: 110–111].

Так с уровня империи Тройственный союз был низведен на уровень конфедерации племен, находившихся на средней ступени варварства. В довершение всего в 1884 г. Фридрих Энгельс опубликовал работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями

*Льюис Генри Морган
(1818–1881),
американский этнолог,
основатель социальной
антропологии*

Льюиса Г. Моргана», в ней он дал всем высоким цивилизациям Мезоамерики и Андского региона, а также индейцам пуэбло следующую характеристику: «Напротив, индейцы, относящиеся к так называемым пуэбло в Новой Мексике, мексиканцы, обитатели Центральной Америки и перуанцы находились ко времени завоевания на средней ступени варварства: они жили в похожих на крепости домах из адобов или камня, выращивали в искусственно орошаемых огородах маис и другие — различные, в зависимости от местоположения и климата, — съедобные растения, служившие им главными источниками питания, и даже приручили некоторых животных: мексиканцы — индюка и других птиц, перуанцы — ламу. К тому же они были знакомы с обработкой металлов, но за исключением железа, и поэтому они все еще не могли обходиться без оружия и орудий из камня. Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное их развитие» [Энгельс, 1937: 33–34].

В дореволюционной России в конце XIX – начале XX в. противоречия во взглядах зарубежных исследователей на общественный строй науа отразились в первую очередь в статьях, помещенных в энциклопедических словарях. Статья «Астеки», опубликованная в 1890 г. в первом томе «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», исторический раздел которого редактировался видным российским историком-эллинистом Н.И. Кареевым, также представляла собой краткий пересказ работы Прескотта с дополнительными ссылками на крупнейших авторов XVI–XVIII вв.: Бернардино де Саагуна, Франсиско Хавьера Клавихеро и Мариано Фернандеса де Эчеверриа-и-Вейтия, а также более поздние труды европейских и американских авторов середины и второй половины XIX века⁵. В статье вновь утверждалось, что общество науа накануне испанского завоевания достигло уровня феодальной монархии с выборным королем во главе и сословным делением на дворянство, купечество, свободных крестьян и рабов.

В другом не менее известном справочнике начала XX в. «Энциклопедическом словаре Гранат» статья «Ацтеки», написанная польским социологом и пропагандистом марксизма Людвигом Крживицким, полностью соответствовала позиции Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса. Крживицкий без всяких сомнений заявлял, что уровень социального, культурного и политического развития ацтеков соответствовал уровню индейцев пуэбло, не имевших частной собственности и не знавших ни социального неравенства, ни государства⁶. Тем не менее в том же издании в статье «Америка» (антропология

⁵ Астеки. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Под редакцией И.Е. Андреевского. Т. 2. Санкт-Петербург, Семеновская Типо-Литография И.А. Ефрона. 1890. С. 335–337.

⁶ Крживицкий Л. Ацтеки. Энциклопедический словарь Гранат. Т. 4. Санкт-Петербург. Главная контора товарищества Братья А. и И. Гранат и К. 1912. С. 356–357.

и этнография) выдающегося русского этнографа, археолога и антрополога Дмитрия Николаевича Анучина говорится об «империи ацтеков, представлявшей союз нескольких государств»⁷.

Исследования общества науа в советский и постсоветский периоды

После 1917 г. труды Л.Г. Моргана, К. Маркса и Ф. Энгельса были возведены в ранг книг, в которых ни одно слово не подлежало сомнению. Однако противоположная ранее господствовавшей трактовке интерпретация Моргана и Энгельса дала советским ученым толчок к развитию самостоятельных исследований ацтекского общества на основе размышления над текстами классиков марксизма. Одной из любопытных работ стал неопубликованный очерк «Центральная и Южная Америка» (1939) молодого ученого-археолога Алексея Владимировича Мачинского (1910–1942). Этот очерк предназначался для серии «Очерки по этнографии народов зарубежных стран», задуманной еще до начала Великой Отечественной войны, и более 60 страниц в нем уделено именно науа. Исследователь попытался осмыслить данные письменных источников XVI–XVII вв. и пришел к выводу о явно более высоком уровне развития общества науа накануне испанского завоевания, чем средняя стадия варварства. Следует отметить, что общий уровень его филологической подготовки явно не соответствовал поставленной задаче дать подробный и хорошо фундированный очерк развития общества науа от основания Теночтитлана до испанского завоевания. О крайне слабом знании, точнее, незнании Мачинским двух основных языков, необходимых для анализа весьма обширного корпуса текстов — испанского и классического науатля, свидетельствует тот факт, что в списке литературы из 10 наименований приводятся только два испанских источника на языке оригинала: хроника конкистадора Берналя Диаса дель Кастильо (Bernal Díaz del Castillo, 1496–1584) «Правдивая история завоевания Новой Испании» («Historia verdadera de la conquista de la Nueva España», 1632) и «Всеобщая история вещей Новой Испании» («Historia general de las cosas de Nueva España») францисканского миссионера Бернардино де Саагуна (Bernardino de Sahagún, ок. 1499–1590) [Мачинский, 1939: 116]. Более того, Мачинский так и не смог отличить наименования языка науатль (нахуатль) от наименования этнической общности. «Среди индейских народностей и племен современной Мексики самыми многочисленными являются ацтеки или нахуатль», — заявляет он на первых же страницах своего очерка [Мачинский, 1939: 87]. К тому же даже эти два первоисточника даны в сокращенных изданиях. Хронику Берналя Диаса А.В. Мачинский цитирует по неполному мадридскому изданию в серии «Би-

⁷ Анучин Д.Н. Америка (антропология и этнография). Энциклопедический словарь Гранат. Т. 2. Москва. Главная контора товарищества Братья А. и И. Гранат и К. 1910. С. 448.

блиотека испанских авторов» 1862 г., а «Всеобщую историю вещей Новой Испании» Б. де Саагуна — по упомянутому выше изданию этого памятника мексиканским историком Карлосом Марией Бустаманте 1829 г. [Мачинский, 1939: 116–177]. Стоит отметить, что Бустаманте не включил в это издание параллельную версию текста на языке науатль, которая весьма существенно расходится с испанской версией. Еще один из основных источников сведений об общественном строе науа до Конкисты «Сообщение о сеньорах Новой Испании» («Breve y sumaria relación de los señores de la Nueva España», 1553) испанского судьи Алонсо де Сориты (Alonso de Zorita, ок. 1512–1585) А.В. Мачинский дает в весьма неточном переводе французского историка середины XIX в. Анри Терно-Компа, изданном в серии «Путешествия, сообщения и подлинные воспоминания для изучения истории Америки» в 1840 г. Правда, говоря о различных интерпретациях общественного строя ацтеков до испанского завоевания, Мачинский упоминает работы В.Х. Прескотта, Ш.Э. Брассёра де Бурбура, а также выдающегося немецкого путешественника и ученого энциклопедиста Александра фон Гумбольдта, но даже не приводит их в своем весьма кратком списке литературы.

Тем не менее очерк Мачинского представляет несомненный историографический интерес как попытка примирить позицию Л.Г. Моргана, К. Маркса и Ф. Энгельса об эгалитарном строе общества науа к моменту испанского завоевания со свидетельствами письменных источников, явно противоречащими этому категоричному утверждению. Более того, очерк Мачинского стал основой для третьей главы «Коренное население Мексики до испанского завоевания», написанной Юрием Валентиновичем Кнорозовым, Ростиславом Васильевичем Кинжаловым и Ириной Федоровной Хорошаевой для второго тома издания «Народы Америки», вышедшего в 1959 г. В своем довоенном очерке А.В. Мачинский определяет науа как этническую общность, достигшую наивысшего культурного развития ко времени испанского завоевания наряду с майя, кечуа и аймара. Чтобы примирить это утверждение с категоричными выводами Л.Г. Моргана и классиков марксизма, А.В. Мачинский нашел весьма оригинальный выход. Он уточняет, что в первой четверти XVI в. науа были еще не единым этносом, а группой племен, находившихся на разных стадиях общественного развития. Он пишет: «Ко времени завоевания Мексики испанцами общественный строй у отдельных племен ацтеков был очень различен. Если у некоторых, как, например, у тласкаланцев, в значительной мере еще сохранялся родовой

А.В. Мачинский (1910–1942),
советский археолог и этнограф

строй, то у других, как, например, в Теночтитлане, у ацтеков в узком смысле слова, разложение родового строя зашло к этому времени очень далеко» [Мачинский, 1939: 100].

Этим же различиями исследователь объясняет и противоречия в описании общественного строя науа, имеющиеся в исторических источниках XVI–XVII вв. Следуя эволюционистскому подходу, Мачинский старается представить картину постепенного разложения родового строя науа, в первую очередь ацтеков, хотя он упорно избегает употребления термина «государство» по отношению к описываемым им реалиям. Однако это заявление о поступательном развитии вступает в явное противоречие с излагаемыми им же фактами. В начале своего очерка Мачинский говорит о родовом строе у ацтеков в XIII в. Затем он указывает 1364 г., со ссылкой на предания ацтеков, как на дату основания Теночтитлана [Мачинский, 1939: 90]. Если учесть, что, по его словам, процесс эволюции ацтекского общества был прерван в результате испанского завоевания 1519–1521 гг., то перед нами уникальный случай необычайно быстрого развития изолированного от Старого Света социума, который всего за 155 лет прошел путь от родового строя к обществу с выраженным имущественным и социальным неравенством, объединившему к тому же под своей властью почти всю Центральную Мексику и часть территорий на берегах Тихого океана и Мексиканского залива. А.В. Мачинский заявляет, что к началу XVI в. у жителей Теночтитлана уже сложились сельские общины, т.е. коллективы, члены которых не являются кровными родственниками и связаны между собой исключительно общим проживанием, коллективной собственностью на землю и общими обязательствами взаимопомощи. Более того, он поясняет в своем очерке: «Развитие меновой торговли, возникновение рабства и вслед за тем имущественного неравенства вело к разложению родового строя, к усилению власти вождя с тенденцией к превращению ее в деспотическую, к возникновению частной собственности на землю, к выделению с одной стороны зажиточной части населения, а с другой стороны, правда, еще незначительного слоя людей, лишенных собственных земельных участков. Одновременно с этим, в уже сложившемся государстве, подавляющее большинство покоренных племен сохранило еще родовой строй» [Мачинский, 1939: 107].

Рассматривая обычное право науа, Мачинский прямо говорит о тюрьме для преступников, которой, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, не существует в доклассовых обществах [Мачинский, 1939: 110]. Он также указывает на наследственный характер власти «верховного вождя», условность его выборов, превратившихся в формальность, и наличие административного аппарата для управления покоренными «племенами» [Мачинский, 1939: 106–107]. Мачинский пишет и о системе эксплуатации покоренных общин, обязанных не только платить дань Теночтитлану, но и обрабатывать земли для его «вождя» [Мачинский, 1939: 107]. В целом картина, нарисованная им,

соответствует ранним государствам Древнего Востока, и, похоже, только самоцензура не позволила Мачинскому поставить ацтекское общество в один ряд с раннединастическим Шумером и Египтом эпохи Древнего Царства.

Таблица 21.—Толтекские памятники.

Вверху: фреска из храма земледелия (Теотиуакан), изображающая людей, принимающих участие в жертвоприношении. *Второй ряд:* реконструкция комплекса религиозных зданий, окружающих Пирамиду солнца. *Третий ряд:* культовые вазы, Теотиуакан II, одна — с эмалевой «малью»; другая — с росписью, изображающей бабочку; лощеная красная ваза Теотиуакан V с упрощенным узором. *Нижний ряд:* статуэтки, отражающие пять стадий развития толтекского искусства. Две последние фигурки формованы.

Тольтекские памятники. Дж. Вайян. «История ацтеков» (1949)

В 1949 г. в Советском Союзе вышла книга выдающегося американского археолога Джорджа Клаппа Вайяна (1901–1945) «Ацтеки Мексики», которая в русском переводе получила название «История ацтеков». Пространное предисловие к ней было написано известным советским египтологом Василием Васильевичем Струве (1889–1965), проявлявшим определенный интерес к доколумбовым цивилизациям Америки и оказывавшим покровительство А.В. Мачинскому до его призыва в армию в 1939 г. В.В. Струве

начинает вполне ортодоксально с критики Вайяна как типичного буржуазного ученого и с повторения идей Моргана. Он заявляет: «Вайян не понимает подлинного значения производительных сил и того основного положения единственно научной, марксистской методологии, что “в соответствии с изменением и развитием производительных сил общества на протяжении истории изменялись и развивались и производственные отношения людей, их экономические отношения”. <...> Между тем, следует сказать, что земледелие, основа хозяйства ацтеков и союзных с ними оседлых племен, велось у них с помощью самых примитивных орудий труда. <...> Все сельскохозяйственные работы производились вручную. Поэтому у ацтеков и не было подлинного полеводства <...>. Маис, источник обильной мучной пищи, постепенно освободил ацтекское общество от людоедства, которое сохранилось, правда, “как религиозный акт или, что здесь почти равносильно, как колдовство”» [Струве, 1949: 9–10].

Далее Струве утверждает: «Испанские авторы не видели родов у ацтеков, так же как американские авторы до Моргана не видели ирокезских родов. <...> Каждый ацтек входил в состав рода, а через род — в состав племени, которое обычно состояло из 20 родов. <...> Дела, касающиеся всего племени, решались советом, в который входили руководители родов. Морган указывает и на наличие фратрий в родовой организации ацтеков. Здесь они назывались калпулли. <...> Фратрии эти выбирали четырех вождей, державших в своих руках исполнительную власть и руководивших военными силами. <...> Каждой из упомянутых фратрий соответствовал особый квартал в пуэбло Мехико...» [Струве, 1949: 12]

Все же несколькими параграфами ниже Струве отходит от своих категоричных заявлений, используя цитаты из архива К. Маркса и «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Подобно Мачинскому, он указывает на то, что должность верховного военного вождя, занимаемая Мотекусомой Шокойоцином, его предшественниками и преемниками, была наследственной в одном определенном роду, одним из представителей которого она замещалась. Ацтекский военачальник, по мнению В.В. Струве, «уже управлял союзом трех племен, а не только руководил во время войны его боевыми силами. Подобное расширение обязанностей и прав военачальника характерно уже для высшей ступени варварства <...>. Непрестанные войны создали благоприятные условия для превращения верховного военного вождя в постоянное должностное лицо. Эти же войны

В.В. Струве (1889–1965), советский востоковед-египтолог, проявлявший интерес к доколумбовым цивилизациям Америки

содействовали разложению родового строя ацтеков. Ацтеки вели их теперь уже ради грабежа...» [Струве, 1949: 15].

Далее утверждения Струве становятся еще более решительными: «В результате успешных походов в селения ацтеков и их союзников в громадном количестве пригонялись военнопленные. <...> Наряду с военнопленными рабами ацтеки уже владели рабами из числа своих соплеменников. <...> Если порабощение как наказание за совершенное преступление может иметь место и при родовой организации, то самопродажа бедняка в рабство уже несовместима с подлинным родовым строем...» [Струве, 1949: 15–16].

В своей последней статье «Некоторые аспекты социального развития Древнего Востока», опубликованной в пятом номере журнала «Вопросы истории» за 1965 г., Струве уже прямо говорит о рабовладельческом характере всех древних цивилизаций доколумбовой Америки, включая науа [Струве, 1965: 102].

Послевоенное время стало в целом весьма благоприятным периодом для изучения истории и этнографии коренных народов Америки, не только в силу стремительно увеличившегося количества работ зарубежных коллег, в том числе переведенных на русский язык, но и активизации научных и культурных связей со странами Латинской Америки, в том числе Мексики. Кроме того, отечественная этнография стремилась охватить как можно большее количество народов мира. Характерный пример этому — задуманная еще до войны серия «Народы мира. Этнографические очерки», которая в 1950–1960-х гг. стала выпускаться коллективом ведущих специалистов Института этнографии АН СССР. Не были забыты и науа. В 1959 г. вышел в свет второй том «Народы Америки» под ред. А.В. Ефимова и С.А. Токарева. Как уже говорилось, авторы третьей главы «Коренное население Мексики до испанского завоевания» Ю.В. Кнорозов, Р.В. Кинжалов и И.Ф. Хорошаева многое почерпнули из процитированного выше неопубликованного очерка А.В. Мачинского 1939 г. Однако они были смелее в своих утверждениях, заявляя о формировании государственных образований у ацтеков и других групп науа. Подобно А.В. Мачинскому, эти авторы старались избегать явного противоречия с классиками марксизма и Л.Г. Морганом, вследствие чего полностью скопировали его утверждение о различии общественного строя у «племен» науа, проводя резкую границу между обитателями Теночтитлана и родственными им по языку этническими общностями Центральной Мексики: «Во времени завоевания Мексики испанцами общественный строй у племен нахуа был очень различен. Если у некоторых, как например у тласкальцев, в значительной мере еще сохранялся родовый строй, то у других, как например у ацтеков Теночтитлана, уже формировалось государство» [Кнорозов и др., 1959: 82].

В качестве аргументов, которые приводятся в пользу стремительного формирования государства у ацтеков накануне испанского завоевания, также следуя почти дословно очерку Мачинского, авторы называют наследование власти верховного вождя в рамках одного рода, наличие сельской общины, большое количество рабов. Общественное развитие науа, по мнению учёных, шло в сторону формирования рабовладельческого государства, причем типологически близкого древневосточным деспотиям. Глава заканчивается уже традиционной к тому времени фразой о том, что процесс формирования государства у ацтеков и родственных им народов был прерван испанским завоеванием.

Еще более конкретно о формировании рабовладельческой деспотии у ацтеков заявил в 1969 г. археолог и этнограф Юрий Александрович Зубрицкий в статье «Индейцы Мексики (исторические и этнографические заметки)». Он отмечает: «Ацтекское же общество олицетворяло собой широкий процесс, направленный к созданию обширной и централизованной рабовладельческой деспотии. Война⁸ как бы завершила эпоху первобытно-общинного строя у ацтеков и ознаменовала переход от последнего этапа этого строя — военной демократии — к классовому рабовладельческому обществу. Этот процесс происходил довольно быстрыми темпами. Однако он, естественно, не мог полностью завершиться в рамках одного столетия. Поэтому ацтекское общество, которое застали испанцы, также носило переходный характер, а не представляло собой окончательно сложившуюся рабовладельческую деспотию. Незавершенность процесса классовообразования и создания государства сказывалась буквально во всем. Во-первых, в формальном избрании правителя, во-вторых, в том, что институт рабства не выкристаллизовался окончательно и дети рабов считались свободными. В-третьих, в том, что кальпулли — родовая организация ацтеков — также претерпевает изменения, указывающие на то, что общество находится в переходном состоянии. Это уже не просто родовая община, это скорее территориально-административная единица [Зубрицкий, 1968: 167–168].

Впоследствии, в 1974 г., Изабелла Константиновна Самаркина в книге «Община в Перу. Очерк социально-экономического развития» без колебаний определила кальпулли как соседскую общину, а следовательно, о родовом строе у ацтеков и других групп науа ко времени испанского завоевания и речи быть не могло [Самаркина, 1974: 14].

Наиболее последовательным и конкретным в определении характера государственных образований науа оказался археолог Валерий Иванович Гуляев, который в 1982 г. опубликовал статью «Город и общество в Центральной Америке накануне Конкисты» в сборнике «Археология Старого и Нового Света». При этом Гуляев в своих оценках общественного строя науа во мно-

⁸ Имеется в виду война ацтеков и их союзников против Аскапоцалько — гегемона в долине Мехико в 1422–1437 гг. — *Прим. авт.*

гом ориентировался на работы видного американского археолога Уильяма Сандерса [Гуляев, 1982: 211]. Как и все советские исследователи, он также широко использовал сравнительный исторический метод. По мнению Гуляева, наименьшей социальной ячейкой в обществе науа была малая семья [Гуляев, 1982: 191]. Однако он тут же добавляет, что, по данным всех имеющихся источников, в селениях и городах науа наиболее распространенным типом социального организма было большесемейное домовладение, причем, скорее всего, — большая патрилокальная семья, поскольку земледелие являлось мужским занятием, да и земельными наделами владели только мужчины [Гуляев, 1982: 191]. Большая патриархальная семья входила в состав соседской общины кальпулли. Кальпулли Гуляев определял как территориальную соседскую общину с некоторыми пережитками, а её аналогами считал перуанскую айлью и нигерийскую агболе [Гуляев, 1982: 192]. Именно кальпулли, с точки зрения Гуляева, являлась основной ячейкой ацтекского общества, по плану которой строились все более крупные социально-политические структуры, и прежде всего — город-государство. Город-государство периода испанского завоевания являлся стабильной единицей территориально-политической организации древней Мезоамерики. Он состоял из центрального городского поселения или столицы (*villa, cabecera*) и ряда более мелких сельских общин, со своими селениями (*aldeas*) и деревушками (*estancias*) [Гуляев, 1982: 192–193]. Большинство из них находилось в пределах 10-километровой зоны от столицы, и все это в целом составляло довольно компактный район.

В этом отношении Гуляев точно следует статье 1971 г. американского автора У.Т. Сандерса «Характер расселения в Центральной Мексике» («*Settlement patterns in Central Mexico*») [Sanders, 1971: 13]. Советский исследователь пишет: «В долине Мехико в 1519 г. существовало свыше 40 городов-государств подобного типа. Каждый из них был полуавтономным, находясь в политическом отношении в полной зависимости от могущественной Тройственной Лиги (Теночтитлана, Тескоко, Тлакопана), а точнее от правителя ацтеков. Полного включения всех зависимых от Теночтитлана территорий в рамки единой централизованной империи не произошло. Ацтеки делали лишь первые шаги в этом направлении, прерванные испанским завоеванием» [Гуляев, 1982: 191]. Самым близким аналогом «ацтекской империи» в Старом Свете была, по мнению Гуляева, «держава» Саргона Аккадского в

*В.И. Гуляев (1938–2022),
советский и российский
археолог, историк,
специалист по цивилизациям
Мезоамерики*

Месопотамии, насильственно объединившая в XXIV в. до н.э. на короткий срок многие полуавтономные города-государства, но вскоре опять распавшаяся [Гуляев, 1982: 210].

В 1990-е гг. изучением социально-политического строя науа активно занималась Валентина Ефимовна Баглай. В 1995 г. она опубликовала работу «Древнеацтекское государство: структура власти и управления». В 1998 г. вышла её монография «Ацтеки. История. Экономика. Социально-политический строй». Подобно своим предшественникам, В.Е. Баглай проводила параллели между «ацтекской империей» и государствами Древнего Востока. «Материалы, которыми располагают исследователи, наводят на мысль, что у ацтеков складывался тип государства, сопоставимый с древневосточными деспотиями Старого Света», — пишет она в своей книге [Баглай, 1998: 325]. Но при этом Баглай, по сравнению с другими авторами, демонстрирует значительно большие колебания в определении характера общины науа. С одной стороны, она цитирует слова Алонсо Сориты, что кальпулли — это «древний род, который издревле владеет землей», и добавляет, что «совершенно очевидно, что в начальный период господство родовых отношений было определяющим. <...> в дальнейшем, когда происходил активный процесс образования государства, кальпулли сохранили некоторые патриархальные элементы, в частности, и к эпохе испанского завоевания носили родовые названия» [Баглай, 1998: 302]. Впрочем, в другом месте она заявляет: «Вероятно, чисто родовая община как ранняя форма общественного и хозяйственного общества уже не существовала в древнеацтекском обществе — хотя бы потому, что там сложилось государство» [Баглай, 1998: 171]. Баглай также говорит о возникновении и развитии у науа общины древневосточного типа, ставшей «важнейшей формой социальной организации на селе и частично в городе». Тем не менее в качестве факторов ее появления исследовательница называет не строительство масштабных ирригационных сооружений, как в Древнем Египте и Месопотамии, а систему мельпового (т.е. подсечно-огневого) земледелия, требовавшую поддержания производственных связей и коллективизма для расчистки земельных участков от леса и кустарников [Баглай, 1998: 172]. На этом уровне колебаний Баглай и осталась, в немалой степени в силу своей зависимости от зарубежных исследований, которая, как показано в данной статье, была традиционной для отечественных специалистов, изучающих ацтекское общество до начала и во время испанского завоевания.

Наиболее «легко» проблему типологии общественно-политического строя и государственности науа «решила» в 2000 г. сотрудница Центра мезоамериканских исследований имени Ю.В. Кнорозова Инесса Владимировна Бутенева, которая в статье «Астеки. Имперская идеология и религиозно-нравственные проблемы» заявила буквально следующее: «Изучением государства ацтеков занимались и занимаются многие ученые на протяжении нескольких веков. К настоящему времени, после подробного и основа-

тельного исследования истории, экономики, политической жизни, религии и мифологии ацтеков, сложились благоприятные условия для изучения имперской идеологии, являвшейся базой существования и развития их государства» [Бутенева, 2000: 80].

Таким образом, после двух столетий споров и колебаний, порожденных недостаточным знанием необходимых для изучения предмета языков и первоисточников, а также преобладающим в советский период догматическим подходом, в 2000 г. отечественная исследовательница вновь вернулась в ту точку, с которой начали русские ученые XIX в.

* * *

В отечественной историографии вплоть до 2000-х годов исследования общественного строя науа и «ацтекской империи» находились в зачаточном состоянии в силу неблагоприятного сочетания следующих факторов. Во-первых, отсутствие у отечественных исследователей достаточного знания классического науатля и староиспанского языка XVI–XVII вв., что делало их зависимыми от сокращенных и неточных переводов первоисточников на французский, немецкий и английский, распространенных в российском научном сообществе XVIII–XX вв. Во-вторых, сформировавшееся под влиянием трудов Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса восприятие общества науа как отсталого, не достигшего к моменту испанского завоевания уровня государственности и находившегося «на средней стадии варварства». Данный подход особенно усилился в советский период, когда работы Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса отвечали официальной идеологии.

Неудивительно, что в 2000–2020-х гг. и вплоть до сегодняшнего дня российские исследователи, занимающиеся изучением прошлого коренных народов Мексики и Центральной Америки, за исключением В.Е. Баглай и автора данной статьи, сосредоточили свое внимание на исследованиях истории, культуры и социально-политической организации народов майя, создателей одной из крупнейших цивилизаций доколумбовой Мезоамерики в зоне тропических лесов на юге Мексики и на территории современных государств Гватемала, Сальвадор, Белиз и Гондурас в 2000 г. до н.э. – 1521 г. н.э. Подобная ситуация связана с открытиями выдающегося отечественного исследователя Ю.В. Кнорозова, внесшего решающий вклад в дешифровку словесно-слоговой письменности майя, и созданием в 1998 г. при РГГУ Центра мезоамериканских исследований имени Ю.В. Кнорозова, в котором исследования истории и культуры майя придавалось и придается приоритетное значение.

Тем не менее всестороннее изучение автором данной статьи исторических хроник XVI–XVII вв., кодексов и архивных документов, связанных с различными аспектами социально-политической организации не только ацтеков, но и других групп науа накануне испанского завоевания, проводившееся с 1997 г. по настоящее время, позволило выявить ряд существен-

ных моментов, которые оказались вне поле зрения предшественников. Все они были изложены в монографии «Ацтеки: родство, гендер, возраст: опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV–XVII веков», опубликованной в 2006 г. в качестве 10-го выпуска альманаха «Алгебра родства» и серии статей на русском, испанском и английском языках.

В этой работе делаются следующие выводы.

1. К моменту испанского завоевания у науа не было единого государства, но имелись многочисленные города-государства (науат. *altereme*). В структурном отношении город-государство науа (науат. *alterpetl*) представлял собой объединение территориальных общин кальпулли под властью правителя (науат. *tlahtoani*) или коллективного органа из глав наиболее влиятельных общин. Он имел четко определенные территориальные границы, своего собственного бога-покровителя и выставлял свой отряд воинов в случае военных действий. Науа ко времени Конкисты определяли себя прежде всего как жители того или иного города-государства, причем гораздо чаще, чем как представители единой этнической общности. Тройственный союз, созданный городами-государствами долины Мехико, не имел эффективных механизмов для интеграции в единое государство, тем более империю. Каждый из этих городов-государств сохранял полную независимость во внутренних делах и располагал полной свободой выбора в вопросе об участии или неучастии в совместных военных действиях. Территория, контролируемая Тройственным союзом, отнюдь не была монолитной, не имела определенных границ и в её пределах существовали полностью независимые анклав. «Интеграция в единое государство» в большинстве случаев ограничивалась присутствием в стратегически важном пункте сборщиков податей и отряда воинов, защищавшего их. При этом централизованной системы взимания податей тоже не существовало. Каждый из членов Тройственного союза самостоятельно собирал дань с той части, которая ему досталась при разделе захваченной территории [Калюта, 2006: 87, 90–91].

2. Социальные страты доколониального общества науа находились в стадии формирования: границы между отдельными стратами были еще весьма размыты, а наследственная принадлежность к страте еще не гарантировала полноправного членства в ней; полного разделения функций между социальными группами также не было достигнуто, за исключением выделения немногочисленной правящей верхушки из массы рядовых общинников [Калюта, 2006: 284].

3. В условиях незавершенности процессов политогенеза родство, социальный возраст и гендер продолжали оставаться главными принципами социального регулирования и социальной стратификации.

4. Как и в других архаических и раннегосударственных обществах, родство у науа играло роль универсальной категории для структурирования взаимосвязей между индивидом и обществом, а также между обществом

и Космосом, что находило отражение в расширенном употреблении терминов родства, в том числе и по отношению к целым социальным организмам (общинам, городам-государствам и т.п.) Социальная организация науа ко времени испанского завоевания характеризовалась доминирующей ролью десцентных групп рэмиджного типа (*tlacamecayotl*, *tecalli*) и их локализованных сегментов в виде больших семей (*cencalli*, *cemithualtin*), состоявших из родительской пары с их совершеннолетними и несовершеннолетними детьми, или из сиблингов, а также свойственников, в организации производства, регулировании имущественных прав, судебной ответственности, отправлении культа на уровне отдельных общин и определении социального статуса конкретного лица. При этом для доколониального периода была характерна амбилинейная филиация, обеспечивавшая передачу статуса и имущественных прав как по мужской, так и по женской линиям [Калюта, 2006: 284].

5. В обществе науа накануне испанского завоевания существовало деление на социовозрастные группы, имелись такие институтированные формы половозрастной организации, как дома молодежи и мужские союзы. Важной особенностью общества науа до испанского завоевания было то, что существование страт и функционирование системы управления обеспечивались за счет половозрастной стратификации. Каждая страта делилась на социовозрастные группы, которые можно условно обозначить как группы «учеников», «исполнителей» и «лидеров». Функции, которые выполняли представители этих групп социальных сверстников, определялись не столько принадлежностью к определенной страте, сколько той стадией жизненного цикла, на которой они находились (возрастной степенью). Управление находилось в руках двух возрастных классов: старейшин (на уровне общины) и зрелых мужчин-воинов, которые объединялись в мужские союзы [Калюта, 2006: 285].

В целом подобная организация напоминает ранние государства Тропической Африки, и более углубленное сравнительное изучение социального устройства африканских «империй» южнее Сахары и государств науа могло бы пролить дополнительный свет на процессы политогенеза в географически изолированных обществах.

Список литературы / References

Баглай В.Е. (1998) *Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй* (ДокOLONиальный период), Москва, Наука, 432 с.

Baglai V.E. (1998) *Atteki: istoriya, ekonomika, sotsial'no-politicheskii stroi* [Aztecs: History, Economy, and Socio-Political Organization. Prehispanic Period], Moscow, Nauka, 432 p. (In Russian)

Бутенева И.В. (2000) Астеки. Имперская идеология и религиозно-нравственные проблемы, *Развитие цивилизации в Новом Свете: Сборник статей по материалам Кнорозовских чтений*, отв. ред. Логунов А.П., Москва, РГГУ, с. 80–99.

Buteneva I.V. (2000) Asteki. Imperskaya ideologiya i religiozno-nravstvennye problemy [Aztecs. Imperial ideology and Religious-Ethical Problems] in Logunov A.P. (ed.) *Razvitie tsivilizatsii v Novom Svete: Sbornik statei po materialam Knorozovskikh chtenii* [Development of Civilization in New World: Collection of Articles based on Knorozov Readings' Materials], Moscow, RGGU, pp. 80–99. (In Russian)

Гуляев В.И. (1982) Город и общество в Центральной Мексике накануне конкисты, *Археология Старого и Нового Света*, отв. ред. Гуляев В.И., Москва, Наука, с. 191–211.

Gulyaev V.I. (1982) Gorod i obshchestvo v Tsentral'noi Meksike nakanune konkisty [City and Society in Central Mexico on the Eve of the Conquest] in Gulyaev V.I. (ed.) *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta* [Archeology of Old and New Worlds], Moscow, Nauka, pp. 191–211. (In Russian)

Зубрицкий Ю.А. (1968) Индейцы Мексики (исторические и этнографические заметки), *Мексика. Политика. Экономика. Культура*, отв. ред. Шульговский А.Ф., Москва, Наука, с. 159–197.

Zubritskii Yu.A. (1968) Indeitsy Meksiki (istoricheskie i etnograficheskie zametki) [Indians of Mexico. Historical and Ethnographic Notes] in Shul'govskii A.F. (ed.) *Meksika. Politika. Ekonomika. Kul'tura* [Mexico, Politics, Economy, Culture], Moscow, Nauka, pp. 159–197. (In Russian)

Ихтлильхочитль (1841) *Библиотека для чтения*, Т. XLVI, Отд. III, Науки и художества, с. 63–88.

Ikhtlil'khochitl' [Ixtilxochitl] (1841) *Library for Reading*, Vol. XLVI, Part III, Sciences and Arts, pp. 63–88. (In Russian)

Казакова Н.А., Катускина Л.Г. (1968) Русский перевод первого известия XVI в. о путешествии Магеллана (Перевод письма Максимилиана Трансильвана), Т. XXIII, *Труды Отдела Древнерусской литературы*, Ленинград, с. 227–252.

Kazakova N.A., Katushkina L.G. (1968) Russkii perevod pervogo izvestiya XVI v. o puteshestvii Magellana (Perevod pis'ma Maksimiliana Transil'vana), T. 23 [Russian Translation of the First Account of Magellan's Voyage in the Sixteenth Century. Translation of Maximilianus Translyvanus's Letter, Vol. 23], *Works of Department of Ancient Russian Literature*, Leningrad, pp. 227–252. (In Russian)

Калюта А.В. (2006) Ацтеки: родство, гендер, возраст: Опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV–XVII веков, Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), 320 с.

Kalyuta A.V. (2006) Atsteki: rodstvo, gender, vozrast: Opyt istoriko-sotsiologicheskogo issledovaniya mezoamerikanskogo obshchestva XV–XVII vekov [Aztecs. Kinship. Gender. Age. Socio-historical Study of Mesoamerican Society in 15th and 17th Centuries], Sankt-Petersburg, Muzei antropologii i etnografii (Kunstkamera), 320 p. (In Russian)

Кнорозов Ю.В., Кинжалов Р.В., Хорошаева И.Ф. (1959) Коренное население Мексики до испанского завоевания, *Народы мира. Этнографические очерки. Народы Америки, Т. 2.*, отв. ред. Ефимов А.В., Токарев С.А., Москва, Издательство Академии Наук, с. 55–101.

Knorozov Yu.V., Kinzhalov R.V., Khoroshaeva I.F. (1959) Korennoe naselenie Meksiki do ispanskogo zavoevaniya [Indigenous Population of Mexico before Spanish Conquest] in Efimov A.V., Tokarev S.A. (ed.) *Narody mira. Etnograficheskie ocherki. Narody Ameriki, Tom 2*, [Peoples of the World. Ethnographic Essays, Vol. 2], Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk, pp. 55–101. (In Russian)

Лихонин М.Н. (1846) Древняя образованность мексиканцев, *Москвитянин. Науки*, № 9–10, с. 81–144.

Likhonin M.N. (1846) Drevnyaya obrazovannost' meksikantsev [Ancient Enlightenment of Mexicans], *Muscovite. Sciences*, no. 9–10, pp. 81–144. (In Russian)

Мачинский А.В. (1939) *Центральная и Южная Америка*, Научный архив МАЭ, Оп. 1, Д. 83, 233 л.

Machinskii A.V. (1939) *Tsentral'naya i Yuzhnaya Amerika* [Central and South America], Scientific Archive of the Museum of Anthropology and Ethnology, Op. 1, D. 83, 233 l. (In Russian)

Морган Л.Г. (1934) *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*, Ленинград, Издательство института народов Севера, 350 с.

Morgan L.G. (1934) *Drevnee obshchestvo ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii* [Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization], Leningrad, Izdatel'stvo instituta narodov Severa, 350 p. (In Russian)

История мореплавания к западным странам (1729), *Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям*, Ч. 31, с. 123–136.

Istoriya moreplavaniya k zapadnym stranam [History of Navigation to Western Countries] (1729), *Primechaniya k Sankt-Petersburgskim vedomostyam*, Ch. 31, pp. 123–136. (In Russian)

Прескотт В. (1848) Завоевание Мексики. Книга I, *Отечественные записки*, № 9–10, с. 1–61.

Prescott V. (1848) Zavoevanie Meksiki. Kniga I [Conquest of Mexico. Book 1], *Otechestvennye zapiski*, no. 9–10, pp. 1–61. (In Russian)

Прескотт В. (1886) Завоевание Мексики Фердинандом Кортесом, Москва, Издательство Ц.Н. Маракучева, 216 с.

Prescott V. (1886) *Zavoevanie Meksiki Ferdinandom Kortetsom* [Conquest of Mexico by Ferdinand Cortes], Moscow, Editorial of Ts.N.Marakuev, 216 p. (In Russian)

Самаркина И.К. (1974) *Община в Перу. Очерк социально-экономического развития*, Москва, Наука, 249 с.

Samarkina I.K. (1974) *Obshchina v Peru. Ocherk sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Community in Peru. Essay on Socio-Economical Development], Moscow, Nauka, 249 p. (In Russian)

Струве В.В. (1949) Предисловие, *История ацтеков*, под ред. Струве В.В., Москва, Издательство иностранной литературы, с. 5–18.

Struve V.V. (1949) Predislovie [Introduction] in *Istoriya atstekov* [Aztecs of Mexico: Origin, Rise and Fall of Aztec Nation], Moscow, Editorial of foreign literature, pp. 5–18. (In Russian)

Струве В.В. (1965) Некоторые аспекты социального развития Древнего Востока, *Вопросы истории*, № 5, с. 100–108.

Struve V.V. (1965) Nekotorye aspekty sotsial'nogo razvitiya Drevnego Vostoka [Some Aspects of Social Development of Ancient East], *Problems of history*, no. 5, pp. 100–108. (In Russian)

Фанштейн М.Ш. (2005) *Впереди — Новый Свет. История открытия Америки и ее восприятие в России*, Москва, Издательство «Индрик», 176 с.

Fanshtein M.Sh. (2005) Vpered! — Novyi Svet. Istoriya otkrytiya Ameriki i ee vospriyatie v Rossii [New World Ahead! History of Discovery of America and Its Perception in Russia], Moscow, Editorial «Indrik», 176 p. (In Russian)

Энгельс Ф. (1937) *Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л.Г. Моргана*, Москва, Партиздат, ЦК ВКП(б), 237 с.

Engels F. (1937) Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva v svyazi s issledovaniyami L.G. Morgana. [The Origin of the Family, Private Property and the State: in the Light of the Researches of Lewis H. Morgan], Moscow, Partizdat, TsK VKP(b), 237 p. (In Russian)

Martir de Angleria P. (1989) *Decadas del Nuevo Mundo* [Decades of the New World], Madrid, Ediciones Polifemo, 566 p. (In Spanish)

Prescott W.H. (1843) *History of the Conquest of Mexico: With a Preliminary View of the Ancient Mexican Civilization, and the Life of the Conqueror, Hernando Cortés*, 3 vol., New York, Harper and Brothers, 1124 p.

Sanders W.T. (1971) Settlement Patterns in Central Mexico in *Handbook of Middle American Indians*. Vol. 10, Austin, University of Texas Press, pp. 3–44.

Solís y Rivadeneyra A. (1885) *Historia de la Conquista de Mexico, población y progresos de América Septentrional conocida por el nombre de Nueva España*. [History of the Conquest of Mexico, Population and Progress of North America known as New Spain], Madrid, Edición Julio Robredo, 595 p. (In Spanish)